

Две аланские композиции IX–X веков с антропоморфными изображениями из Ингушетии

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются и контекстуализируются два предмета в серии антропоморфных изображений «мифологических сюжетов» из разрушенных грабителями с 2011 по 2019 г. катакомб на р. Чемульга. Набор антропоморфных персонажей здесь уникален для территории Хазарского каганата. В целом композиции с мужскими персонажами концентрировались в комплектах мужских поясов IX–X вв. Костюм и детали иконографии изображений связывают их с сасанидским Ираном и доисламским Согдом. Выбор персонажей аланами объяснялся параллелями с местной мифологией и эпосом, в том числе – инокультурных композиций (полет Александра Великого). Эта сцена, как и изображение старика, играющего на лютне, и орла, уносящего человека, могут быть связаны с сюжетами о старейшине нартов – Урызмаге в нартовском эпосе осетин. Юноша с арканом под деревом и конный охотник на зайца имеют параллели в важных сюжетах (о происхождении аланов-нартов и древнего Бога-меча от браков с дочерьми бога морей). Крылатые и молящиеся сидя персонажи – это, вероятно, зæдтæ – духи, покровители групп людей и т. п. в старой аланской религии. Эти сюжеты соответствовали мироощущению аланских воинов.

Ключевые слова: антропоморфные изображения IX–X вв., аланы, Северный Кавказ, параллели в нартовском эпосе, влияние иконографии доисламских Ирана и Согда

Для цитирования: Яценко С.А. Две аланские композиции IX–X вв. с антропоморфными изображениями из Ингушетии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 106–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-106-127

Two Alanian compositions of the 9th–10th centuries with the anthropomorphic personages from Ingushetia

Sergey A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

sergey_yatsenko@mail.ru

Abstract. Two subjects are considered in a series of anthropomorphic images of “mythological type” from the catacombs destroyed by robbers from 2011 to 2019 on the Chemulga River. The set of anthropomorphic characters here is unique for the territory of the Khazar Khaganate. In general, compositions with male characters were concentrated in sets of men’s belts of the 9th–10th cc. The costume and details of the iconography of images connect them with Sasanian Iran and Pre-Islamic Sogdia. The Alans’ choice of characters was explained by parallels with local mythology and epic, including foreign cultural compositions (the flight of Alexander the Great). That scene, as well as the image of an old man playing a lute and an eagle carrying off a man, may be related to the stories about the elder of Narts – Uryzmag in the Nart Epic of the Ossetians. A young man with lasso under a tree and a hare horseman hunter have parallels in important plots (the origin of the Alans-Narts and the ancient Sword God from marriages with the daughters of the Sea God). A winged and seated praying characters are, probably, *zædtæ* – spirits, patrons of groups of people etc. in the old Alanian religion. The plots were corresponded to the worldview of the Alanian warriors.

Keywords: anthropomorphic images of the 9th–10th cc., Alans, the North Caucasus, parallels in the Nart Epic, the influence of the iconography of Pre-Islamic Iran and Sogdia

For citation: Yatsenko, S.A. (2024), “Two Alanian compositions of the 9th–10th centuries with the anthropomorphic personages from Ingushetia”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 106–127, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-106-127

Речь здесь пойдет о двух необычных изделиях, найденных в Центральном Предкавказье, в аланских погребениях IX – начала X в. В научный оборот они (и серия связанных с ними синхронных артефактов) вводятся впервые. История моего внимания к ним началась 28.02.2017 г., когда д-р ист. наук *Константин Юрьевич Рахно*¹ (Полтава) обратил мое внимание на появившуюся в *Facebook*

¹ Я благодарен коллеге за знакомство с известными тогда изображениями и важными ссылками на литературу. Именно К.Ю. Рахно убеждал меня сделать специальную статью на эту тему.

небольшую серию фото вещей из разрушенных элитных аланских погребений. Находчики, представившиеся охотниками, якобы случайно нашли разрушенную могилу и предлагали вещи к продаже во владикавказский музей. Среди них обращали на себя внимание серебряная (видимо, с кожаной прокладкой внутри) трапезиевидная пластина и набор золотых деталей княжеского пояса (рис. 1, 3). Уникальность их для территории Хазарского каганата была в том, что все детали этих небольших изделий были покрыты антропоморфными изображениями, а не привычными растительными узорами и стилизованными животными. Затем «продавцы» исчезли, угас и мой интерес к ним, так как детали про находки в Ингушетии они сообщать не хотели. Новая информация о разрушении аланских катакомбных могильников появилась 6,5 лет спустя, в начале декабря 2023 г., когда я списался с замдиректора Центра археологических исследований им. Е.И. Крупнова (г. Назрань) *Умалатом Беслановичем Гадиевым*. Тогда же я получил дополнительную информацию о судьбе найденного и новые фото от одного из руководителей историко-этнографического общества «Уацамонга» *Марата Асланбековича Цагараева* (г. Владикавказ). Я весьма обязан трем названным коллегам, и без них текст не состоялся бы.

Картина теперь выглядит следующим образом. В 2011–2013 гг. группа грабителей проводила в предгорьях, у северных склонов хребта Церейлам, у речки Чемульга (в бассейне чуть более крупной р. Фортанга, в Сунженском районе Ингушетии, на самой границе с Чечней, на юг от с. Берд-Юрт) нелегальные раскопки очень значимых для культуры Северного Кавказа аланских грунтовых катакомбных могильников с серией элитных могил. Помешать действиям расхитителей местным археологам тогда не удалось из-за того, что район был закрытым для посещения, что расхитители без раздумий были готовы применить оружие, а также из-за того, что пересеченная и покрытая густым лесом местность² мало подходит не только для контроля, но и для передвижения. Вскоре грабители сделали серию фото своих находок для потенциальных покупателей (весьма низкого качества, при плохом освещении и без масштаба). Эти фото (серия их датируется 16.03.2014 г.), а позже и осмотр

² Лес в данной местности стал расти лишь около 180 лет назад. Единственная находка из богатой «добычи» грабителей, которую удалось получить для краеведческого музея им. Т. Мальсагова в г. Назрань, – золоченая бляшка в форме трехлучевой вихреобразной свастики от женского головного убора (сравните *in situ* – погребение 10 в Мартан-Чу в соседней Чечне, где близки и другие типы бляшек такого убора [Виноградов, Мамаев 1984, с. 70; рис. 8, 33–36]).

остатков разграбленных некрополей на местности позволили ингушским коллегам датировать материал VI–XI вв. (имеются там и монеты времен Золотой Орды и мавзолее из обожженного кирпича)³. Попытки ограбления эпизодически продолжались и позже, по 2019 г. В 1 км от некрополей известно небольшое аланское поселение, но крупное (к которому должны бы относиться могильники) пока не обнаружено из-за характера местности. Из всей коллекции сделанных фото здесь важны относящиеся к двум основным изделиям (см. рис. 1; 3).

Другая группа аланских находок из Ингушетии (отчасти – явно из того же района) деталей поясов IX – раннего X в. – обнаружилась благодаря поискам М.А. Цагараева в Интернете (см. часть из них в статье: рис. 1, 4; 4, 7, 11; 5, 2, 4). Это фото, главным образом, единичных вещей – более высокого качества и с масштабом. Они явно предназначались для продажи. И действительно, эти находки реализовывались, как теперь известно, на антикварных воскресных «развалах» в Нальчике и Пятигорске.

Наконец, серия фото аланских артефактов из того же региона попала в поле внимания известной турецкой блогерши *Нурай Билгили* и оказалась на ее «досках» в *Pinterest.com* (см. в статье рис. 2, 1, 3; 4, 1–6, 8–10; 5, 1, 2 верхний, 3)⁴. Это весьма ценная часть привлекаемых нами материалов.

Увы, все находки, о которых идет речь, разошлись по частным коллекциям и дошли до нас лишь в фотографиях. Кроме серебряной пластины (рис. 1), остальные анализируемые артефакты относятся к наборам воинских поясов или отдельным их деталям, включающим оригинальные антропоморфные образы, входящие, по терминологии А.В. Комара, в круг так называемых. мифологических сюжетов. Эти изделия можно датировать IX – ранним X в., т. е. перед активной христианизацией Алании.

³ В числе находок – пояса (с золотыми, серебряными и позолоченными деталями), золотые полихромные браслеты и простые серебряные, золотые серьги, серии золотых и серебряных перстней (три из них – с гравировками), серебряный косметический набор, позолоченные бляшки головных уборов, серебряные нашивные бляшки, сабли с богатым декором, сасанидские и арабские монеты, стеклянные браслеты и полихромные бусы и др. Идея А.В. Комара, что вещи изучаемой группы – серия качественных, но недорогих фальшивок (для кого?), с помощью ряда приемов зачем-то выданных за происходящие из конкретных некрополей Ингушетии, не подтверждается наличными фактами.

⁴ URL: <https://www.pinterest.com/nuraybilgili/> (дата обращения 6 декабря 2023).

Обратимся теперь к самим образам и композициям, в которые они вписаны. Здесь рассмотрены только те антропоморфные образы, которые имеют параллели двум основным находкам (еще три уникальные композиции не рассматриваются). Постараемся понять, с какой именно традицией связаны особенности их внешнего облика. Являются ли представленные на них (в эпизодах) сюжеты лишь копированием чужих популярных образцов, или же они отражают какие-то традиции и фольклорные тексты местных аланских заказчиков? Помимо обилия на обоих предметах разнотипных антропоморфных изображений (по четыре на каждом), они выделяются одной маленькой, но, на мой взгляд, очень важной деталью. У семи из восьми разных персонажей (кроме юноши с арканом на серебряной пластине) ткани одежды имеют специально подчеркнутый (для миниатюрных фигурок размером 2–3 см это лишняя трудоемкая работа) однотипный *узор из рядов треугольников из трех точек*. Эта же особенность характерна и для ряда изображений с конкретным сюжетом из нашей же коллекции – для сидящих и молящихся крылатых одиночных фигур (рис. 4, 1, 8) и более нигде в Восточной Европе неизвестна. Где же встречался этот орнамент и почему он в нашем случае важен? Хотя это узор эпизодически был известен еще в ахеменидское время, популярен он стал впервые в мужском костюме кушанской Бактрии; однако подлинная популярность к нему пришла в сасанидском Иране, где он обычен у обоих полов и разных социальных групп [Яценко 2006, рис. 151; 157–159]. Сегодня истоки «мифологических сцен» на поясной гарнитуре позднего Хазарского каганата выводят, прежде всего, из Согда и даже танского Китая [Комар 2016, с. 550–553]. Однако такой декор костюма (не говоря уже о деталях собственно одежды) не известен у согдийцев ни на их родине, ни в китайской диаспоре [Абдухоликов и др. 2021, с. 288–317, 414–449], ни в раннеисламском Согда (см., например: [Маршак 1971, табл. 30, 40–41]); не увидим мы их и в костюме ранних тюрков VI–VIII вв. (см., например: [Яценко 2009]). В искусстве Византии и Арабского халифата этот узор практически не встречается. Сложнее говорить об Иране IX–X вв., так как изделий художественного металла с человеческими фигурами оттуда, в силу историко-культурной специфики, сохранилось немного. Но такой орнамент документируется на знаменитой расписной керамике из Нишапура в Хорасане после того, как к власти в регионе, сменив Тахиридов, пришла «проиранская» в своей культурной ориентации династия Саффраидов из Систана (861–1003). Таков, например, сидящий правитель на одной из чаш [Wilkinson 1973, p. 48, No 66].

Не менее любопытна одна деталь оформления головы персонажей на серебряной пластине, не очень понятная мастеру в результате копирования инокультурных изделий. У двух юношей на обеих сторонах (танцующего и стоящего с арканом) ожерелье неумело передано как кружок (как лента с низкой бус, нашитых на полоску ткани), свисающий с кадыка. Однако у правителя в верхнем регистре ошибки нет: здесь схематично передана уникальная особенность *прически сасанидских шаханшахов* (борода была внизу перевита золотой цепочкой, а на конце такой «косички» получалось утолщение) [Яценко 2006, с. 252]. Похожая схема передана и у сидящего правителя на синхронном аланском наконечнике пояса из той же Ингушетии (рис. 4, 11). Третья важная и подчеркиваемая особенность костюма этих персонажей – довольно *высокий каблук* на сапогах или полусапожках. Как известно, он впервые появился в I–II вв. н. э. в Южном Иране – на родине вскоре пришедшей к власти династии Сасанидов [Яценко 2006, рис. 64, 79; 76, 2]. Иными словами, все три яркие особенности костюма персонажей – во все не согдийские («восточноиранские»), не танские китайские и не тюркские (как можно было ожидать, исходя из господствующей в литературе версии), а происходят из граничащей еще за два века до этого с Аланией могущественной *империи Сасанидов*. Типичны для сасанидского Ирана и мужские расклешенные штаны с полосой декора по краю, а также наглухо застегнутый короткий кафтан [Яценко 2006, рис. 157–158].

Большим сюрпризом является то, что на деталях практически всех поясных наборов из Ингушетии, которые разбираются ниже, встречен *так называемый узелковый бордюр* (рис. 3, 1–3; 4, 1, 5–6, 8–11; 5, 1–4). Известен он и в соседней Чечне, южнее г. Грозный (некрополь Дуба-Юрт, погребение 11) [Комар 2016, рис. 3, 4]. Между тем его и «сюжетные изображения людей и животных» на поясах этого времени такой известный специалист, как А.В. Комар, считает важными индикаторами единичных памятников «типа Субботцев», маркирующих признанный сегодня путь кочевых мадьяр из Приуралья через степи Украины на новую дунайскую родину [Комар 2016, с. 545]. На одном его конце находится Больше-Тиганский некрополь у низовий р. Кама в Татарстане (могилы 16 и 28) [Халикова, 1976, рис. 5; 11–12], на другом – некрополь у с. Субботцы (погребение 2) на р. Ингул (Правобережная Украина) (Бокий, Плетнева 1988, рис. 5). В обоих этих памятниках на деталях поясов также два антропоморфных персонажа имеют элементы иконографического сходства с разбираемыми аланскими ([Бокий, Плетнева 1988, рис. 5, 2, 6] и наши рис. 3, 4; 4, 3, 6). Однако в целом стилистика и сюжетный ряд как татарстанских,

так и западноукраинских вещей своеобразна и сильно отличается от рассматриваемых ниже. Ингушетия и Чечня лежат слишком далеко в стороне от пути мадьяр в «период обретения родины», но вещей с признаками так называемого типа Субботцев здесь, как мы увидим, найдено больше, чем на маршруте миграции венгров к Дунаю. Некоторые из них по художественному уровню не уступают «непревзойденным» деталям пояса из Субботцев (рис. 2, 3; 3, 1–2; 4, 2–8)⁵. Иными словами, сегодня картина выглядит более сложной, чем до сих пор представлялось.

Попробуем уточнить *сюжеты* на обоих предметах и начнем с *серебряной пластины* (рис. 1). Строго говоря, подобных единых композиций в раннесредневековой Евразии я не знаю. Есть основания думать, что в этом случае мы имеем не одну сюжетную линию, а с *каждым персонажем связан отдельный сюжет / эпизод*. Внимание привлекает, прежде всего, «царственный» персонаж, восседающий в верхнем ярусе лицевой стороны пластины (в последнем нет сомнений, так как на ней концентрируются три из четырех персонажей и важные дополнительные детали). Он восседает на ковре или иной подстилке, на голове его диадема с характерными для правителей Сасанидов «развевающимися» в стороны концами; об оформлении его бороды (тоже типичном для сасанидских шаханшахов) уже говорилось. Этот человек держится за шеи двух крупных птиц (судя по форме клювов и лап – хищных). О какой же значимой для аланской знати композиции может идти речь? Именно в IX в. на Ближнем Востоке, после ряда новых переводов (на арабский и др.), становятся особенно популярными версии легенд об Александре Великом из поздней «редакции С» «Александрии» Псевдо-Каллисфена. Один из важных сюжетов, любимых в средневековом мире до монгольского нашествия, – *полет в небо Александра Македонского*. В предполагаемой многими более ранней версии он делает это не на грифонах, а *на двух белых птицах, подстелив для себя шкуру*⁶. Думается, именно этот сюжет с царственным персонажем изображен на изучаемой пластине. Однако

⁵ Кстати, женский перстень сложной формы из Субботцев (Бокий, Плетнева 1988, рис. 2, 2) практически идентичен одному из образцов, найденных грабителями на р. Чемульга.

⁶ См., например, в одном из русских переводов: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Университетская тип., 1893. С. 215.

«Я [Александр] приказал взять из числа птиц, [обитавших] в этом месте, двух. Это были огромные птицы, белые и ручные, ибо, увидев нас, они не убежали... Они питались дикими зверями, а многие из птиц прихот-

в нашей коллекции он представлен неоднократно в трех близких иконографических версиях и на деталях наборных поясов (рис. 1 слева; 2, 3-4)⁷. В двух из трех этих вариантов птицы смотрят уже не на Александра, а в противоположную сторону, и в одном случае есть попытка показать такую «мелочь», как два копыта в руках с нанизанной едой для птиц (рис. 2, 1). Во всех трех случаях голова «Александра» слегка или заметно наклонена влево. Этот сюжет в интересующее нас время становится популярным в самых разных по социальному устройству и религиозной принадлежности обществах. Известен ли еще подобный сюжет в Восточной Европе того времени? Да, и он представлен для бляшек из катакомбы X 2011 в Верхнем Салтово, связанном с верхнедонскими аланами (рис. 2, 5) (О.В. Комар посчитал эти бляшки частью сбруи).

В недавно крещеной домонгольской Руси он изображался, в числе прочего, на сакрализованных княжеских коронах и магически значимых подвесках к женским головным кикам и, вероятно, ассоциировался с солярными аспектами легенд об Александре [Рыбаков 1987, с. 567–573]. У потомков аланов – осетин – также бытовали разные варианты переосмысленных легенд об Александре (исходно – из того же источника), и есть основание предполагать весьма древние основы «привязанных» к ним мотивов. Подчеркну связь с ним важного для культур Кавказа *мотива прекращения убийств стариков*, имеющего аналогии у многих иранских народов [Рахно 2019]. (Этот мотив в эпосе во многом связан со старостью предводителя нартов – *Урызмага*⁸.) В поздний период этот образ уже не был популярен, а потому вариантов сюжетов с ним сохрани-

дили к нам ради павших лошадей. Выбрав двух из этих птиц, я приказал не кормить их три дня. А на третий день я приказал изготовить из дерева род ярма и привязать его к их шеям. Затем я поручил принести бычью кожу и положить ее посреди ярма. Так, соорудив нечто вроде корзины, я вошел в ее середину, крепко держа копьё в семь локтей длиной, на конце которого была лошадиная печень. Тотчас же птицы взлетели, чтобы съесть печень, и я поднялся вместе с ними в воздух...» В католической Европе вариант сюжета с птицами хотя и был редок (по сравнению с версией о грифонах), но иллюстрировался до конца Средневековья (см., например: рис. 2, 2).

⁷ Для рис. 2: 1 – <https://pin.it/2VYN5xo>; 2 – <https://uchitelj.livejournal.com/792563.html>; 3 – <https://pin.it/7KJhynu>; 4 – предоставлено М.А. Цагараевым; 5 – [Комар 2016, с. 551; рис. 2, 2]; 6 – [Арсланова 2013, рис. 2, 1; фото 5; 6].

⁸ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2 / Ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1989. С. 80–85, 89–91.

лось немного. Время стерло многие из них из народной памяти; они остались лишь в памятниках торевтики.

Иную композицию отражает сюжет синхронной сабли с्रो-стинской культуры в кургане 145 в Зевакино на Северном (Казахском) Алтае (рис. 2, 6). Здесь мужчина сидит с кубком в руке, а по сторонам его стоят две птицы (гуси). Эта сцена хорошо известна в постсасанидском Иране: тот же персонаж с двумя стоящими птицами по бокам представлен на ранней керамике Нишапура⁹. В Музее искусств Лос-Анджелеса имеется сходная чаша уже с сидящим персонажем (это женщина с 4 длинными косами).

Однако мужчина, держащийся за шеи двух птиц, – отнюдь не единственный персонаж на изучаемой пластине. Там изображены также *трое других мужчин*. Это на той же стороне – стоящие юноша с полусвернутым арканом в руках и пожилой мужчина с бородой, играющий на струнном щипковом инструменте типа лютни¹⁰, а на оборотной стороне – танцующий юноша с распущенными рукавами (что у многих народов бывало при ритуальном танце или молитве). Случайно ли здесь оказалась эта троица? Наверняка нет, и доказательство тому – наличие тех же трех персонажей, в тех же ролях и с теми же атрибутами, в синхронном поясном наборе «аланской» коллекции Нурай Белгили (рис. 2, 3)¹¹; увы, набор этот сохранился не полностью. Он тоже, похоже, отчасти формально связан с одной из литературных версий «Александрии»: известно, что будущих ездовых животных вначале чем-то «приманивали» (в иранском фольклоре это могла быть музыка или/и танец), а для поимки животных¹² аркан – главное средство. Но при этом несколько важных деталей в такие иноземные версии явно не вписываются. И на вопрос, чем именно были привлека-

⁹ Чаша продавалась на одном из аукционов в июне 2003 г. URL: https://issuu.com/orientalartauctions6/docs/islamic_art_auction_thursday_22_june_2023/s/26084418 (дата обращения 8 декабря 2023).

¹⁰ Этот тип лютни хорошо известен на торевтике постсасанидского Ирана. См.: серебряные блюда из Британского Музея и бывшей коллекции С. Строганова в Риме: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. Табл. XXXV, XXXVII.

¹¹ Добавлю, что в обеих композициях аналогичны в основном и позы этих персонажей: юноша с арканом и музыкант повернуты друг к другу (точнее – к Древу), тогда как тело танцующего повернуто вправо; лишь у юноши с арканом в обоих случаях нет орнамента из кружков.

¹² Ср. оба действия в версиях «Александрии» с грифонами: Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер. и коммент. Н. Горелова. СПб.: Азбука-Классика, 2006. С. 98, 163.

тельны для аланских средневековых воинов подобные сюжеты, можно ответить.

На лицевой стороне пластины едва ли главным объектом на деле является Древо, занимающее большую ее часть. На нем есть одновременно не только листья, но, похоже, и плоды. Именно на верхушку дерева смотрит юноша с арканом, разглядывая что-то в его ветвях. В имеющихся фольклорных записях сюжеты с несколькими птицами, попыткой их поимки и последующим попаданием главного из действующих лиц к могущественному существу из Иного мира сохранились в нескольких версиях. И это как раз... «базовая» легенда о происхождении самих аланов-нартов от потомков Ахсартага. Здесь важную роль играет волшебное Древо («Жизнь нартов зависела от одного дерева. А дерево это... до полуночи оно цвело, с полуночи до рассвета приносило плоды». На нем «созревало одно яблоко. А было оно лекарством от смерти» и т. п.). На плоды и цветы Древа покушаются по ночам чудесные птицы (или олени) – дочери властелина подводного царства (их в разных текстах то одна, то три, то четыре, то неназванное число). Попытки их поймать приводят юношу Ахсартага в глубины моря, где он женится на исцеленной им девушке-птице Дзерассе, и та становится родоначальницей героев-нартов. «Хозяином» (отцом) птиц в нашем случае является могущественный водный бог¹³.

Требует объяснений и пожилой музыкант с длинной бородой, играющий на лютне¹⁴ и опирающийся ногой в какую-то вертикальную поверхность. Аналогичный сюжет в эпосе тоже только один: старейший *предводитель нартов Урызмаг* целыми днями в степи, у камня, развлекал игрой на «скрипке» (хъисынфандыр, который изобрел главный трикстер эпоса – Сырдон [Плаева 2016, с. 67–68]), небесную госпожу, жену его побратима, могущест-

¹³ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 7, 21.

¹⁴ Обратить внимание на набор музыкальных инструментов на предметах нашей коллекции со сходным составом персонажей. Это упомянутая лютня, а также свирель (рис. 2, 3 справа). Именно эти инструменты мы видим на постсасанидских персидских блюдах со сценами пира аристократа (Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. Табл. XXXV, XXXVII). Свирель имела немалое значение для аланов и нередко предстает как волшебный инструмент (ср. мотив нартовского эпоса с волшебными золотыми свирелями «сартæнзет» Ацамаза и Урагома – сына водного бога, стальной, подаренной богом-кузнецом на рождение будущего прародителя нартов Ахсартага, и той, что имел Хозяин животных Афсати [Плаева 2016, с. 67–68]).

венного Уарп-алдара, будучи соблазнен ею. В результате торжествует незыблемая дружба мужчин-воинов, и ради ее сохранения Уарп-алдар наказывает не Урызмага, а неверную жену, и предаёт ее позорной смерти¹⁵. Мотив наказания этой «небесной» женщины, как выясняется, имеет древние иранские мотивы [Рахно 2021, с. 81–88].

Что касается единичного танцующего юноши с распущенными руками на оборотной стороне, то это явно мотив, не связанный с аланской традицией. Это характерный согдийский мужской танец, неоднократно воспроизведенный в искусстве согдийской диаспоры VI–VIII вв. в Китае [Yatsenko 2012, fig. 12, 1; 2019, fig. 6, 2].

Рассмотрим второй важный предмет «ингушской коллекции» грабителей – *пояс с золотыми деталями*. На них мы видим четырех различных антропоморфных персонажей. Несмотря на миниатюрность этих поясных элементов, мастер нашел возможность показать на каждом из них типичный сасанидский узор тканей с треугольниками из трех точек (рис. 3). Два персонажа (на обойме и наконечнике ремня) представляют тип сидящего, скрестив ноги, усатого правителя в диадеме или короне с характерными для сасанидского искусства развевающимися в стороны лентами, сложными по конструкции длинными серьгами и с повернутым немного вправо лицом. Пол или ковер при этом украшены линиями из кружков. Он либо держит пиалу, либо поддерживает руками шарф. Идентичное изображение правителя с шарфом, но выполненное в бронзе, известно в «ингушской коллекции» Нурай Билгили (рис. 4, 10; 5, 3). Бляшки с прорезями изображают приседающего мужчину-танцора с длинным шарфом в руках (рис. 3, 4). Танец с таким шарфом был известен для женщин еще в сасанидском Иране¹⁶, но для мужчин документирован в согдийской диаспоре [Абдухоликов и др. 2021, с. 412; рис. 13, 1–2].

В этой группе изображений меня интересует, прежде всего, персонаж на пряжке (рис. 3, 2). Это *сидящий мужчина с небольшими, изогнутыми на концах внутрь крыльями*. Такие крылья с характерным изгибом появились у небесных персонажей (в том числе сидящих, поджав ноги так, как мы увидим на аланских образцах: рис. 3, 2; 4, 1, 6, 8–9) впервые еще в древней Месопотамии, в искусстве Аккада и ранней Вавилонии. В нашей небольшой серии из аланских катакомб в Ингушетии неоднократно встречены (также в поясных наборах) еще 8 разных синхронных версий иконографии этого существа (!), что не имеет аналогов и,

¹⁵ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 475–484.

¹⁶ См., например: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Табл. XLVI.

помимо прочего, говорит о его немалой популярности в аланских землях: он характерен именно для них (рис. 4, 1–2, 4–9)¹⁷. Обычно он молитвенно поднимает руки (рис. 3, 2; 4, 1, 5, 8), при этом подчас – с распушенными рукавами (рис. 4, 2, 9; 5, 2; первый и третий образцы являются копиями из серебра и золота); изредка его руки соединены на животе (рис. 4, 4, 7) или широко расставлены в стороны (тоже молитвенная поза) (рис. 4, 6). На голове его всегда узкая повязка-диадема, и (почему-то это было важно) подчеркнуты волосы причёски. В половине случаев мы видим у него уже знакомый сасанидский узор тканей из треугольников с тремя точками (рис. 3, 2; 4, 1–2, 8). Некоторое сходство этот персонаж имеет с несколькими согдийскими изображениями на терракотовых фигурках (от них сохранились головы и части туловища) из Самарканда и Пенджикента VI–VII вв. У этих мужских персонажей имеются сходной формы крылья, они тоже носят диадему, но украшенную рядом круглых блях; руки у них, как и у ряда аланских, сложены на животе [Мешкерис 1989, с. 230, рис. 125]. Это довольно редкий тип изображений.

Естественно, возникает вопрос: какой именно важный аланский персонаж так часто представлен на мужских поясах? У предшественников средневековых аланов – кочевых сарматов, а также у более ранних скифизированных меотов Западного Предкавказья – использовались собственные или специально неоднократно отобранные греко-римские изображения (Эрот, одна из версий с Аполлоном и вороном, Змееногая богиня и Хозяин зверей) [Яценко 2022а, с. 149–150, 152, 157–158, 161]. У «этнографических» осетин крылаты «голые дети в Райском саду», сам Уастырджиджи¹⁸, а также уиаг (великан) Кандзргас и Аксак-Темур. Увы, все эти персонажи мало подходят для передачи смиренной (и, похоже – регулярной) молитвы.

¹⁷ Для рис. 4: (1 – <https://pin.it/37HuUdV>; 2–3 – <https://pin.it/3NS84f3>; 4 – <https://pin.it/2JpqlE7>; 5 – <https://pin.it/4JH74ZX>; 6 – <https://pin.it/qHVQlCu>; 7, 11 – предоставлено М.А. Цагараевым; 8 – <https://pin.it/5UOAAcU>; 9 – <https://pin.it/6jNAQlw>; 10 – <https://www.artofit.org/image-gallery/598134394234190706/Пояс-аланы-9-10вв/>. К северо-востоку от территории донских аланов, в Тамбовской области есть единственная находка такого крылатого персонажа на поясном наконечнике (рис. 5, 6). А.В. Комар видит здесь правителя со скипетром (кривым!) в левой руке и с поднятой вверх правой кистью, но не видит небольших крыльев [Комар 2016, с. 551]. Я же не вижу ни скипетра, ни правителя; правая рука персонажа лежит на груди; за «скипетр» приняты ворот одежды и край штанов.

¹⁸ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 160, 321.

Наш выбор вполне понятно падает на такую категорию крылатых существ, как *зэды* (*единств. Зæд; множ. Зæдтæ*). Это духи – покровители местностей, природных стихий, групп животных и людей, но они также подчинены верховному божеству и сообщают ему о происходящем с людьми. Им полагалось молиться и приносить жертвы. Они могли при этом летать на большие расстояния, участвовать в сражениях, помогая людям¹⁹. По любезной информации Ю.А. Дзиццойты, зэды постоянно вершат суд на священной горе Бурхох; они в том числе судили и нартовского героя Батраза за убийство своих сородичей. У поздних осетин зэды – только мужского пола, но у одного персонажа подчеркнуты женские груди (рис. 4, 7; 4, 4). Аналогичные духи (обоих полов) есть у дардских народов Гиндукуша (калаши, кхо и др.). Они также имеют небольшие крылья, собираются и живут на вершинах гор, помогают в сражениях и на охоте и т. п. [Йеттмар 1986, с. 379–380, 446–452]. Оба пола имеют и *пери* у равнинных таджиков.

Обратимся теперь к поясным наборам данного времени (рис. 5)²⁰, известным нам из «ингушских коллекций» М.А. Цагараева (рис. 5, 2, 4) и Нурай Белгили (рис. 5, 1, 3). В их составе есть уже рассмотренные персонажи и сюжеты с ними: «полет Александра на птицах» (рис. 2, 1, 4) и крылатая молящаяся фигура (рис. 5, 1–2, 4). *Нет ли среди них еще таких, которые могут быть сопоставлены с алано-осетинскими сюжетами?*

Наше внимание сразу привлекает мотив *охоты всадника на зайца*, встречавшийся в скифском и сарматском искусстве [Яценко 2022b, с. 349–350]. Как и на скифских бляшках из «царских» курганов Куль-Оба и Александропольский, на наконечнике пояса из Ингушетии охотник одет очень парадно, декор его одежды подчеркнут. Он в диадеме с развевающимися лентами, как в сасанидском искусстве; одежда, похоже, декорирована знакомыми сасанидскими треугольниками из точек. Акцентированы также гривна (?), серьги, детали конских уздечки и стремян. Он стре-

¹⁹ Осетинские народные сказания. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. С. 345; Нартские сказания. Осетинский народный эпос / Пер. В. Дынник. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. С. 367.

²⁰ Для рис. 5: 1- <https://pin.it/75M1H2A>; 2a – <https://pin.it/6jNAQlw>; 2, 4 – предоставлено М.А. Цагараевым; 3 – <https://www.artofit.org/image-gallery/598134394234190706/Пояс-аланы-9-10вв/>; 5 – святилище у г. Курганинск (Берлизов, Каминская, Каминский 1995, табл. 4в, 97); 6 – Крюково-Кужуновский, погребение 217 (Комар 2016, рис. 2, 7). Материал: 1, 4, 6 – серебро; 2 – золото; 3 – бронза; 5 – бронза, железо.

ляет, обернувшись назад (так называемый парфянский выстрел). Бегущий заяц на узкой пластинке не поместился и размещен над головой преследователя. Как известно, охота всадника на зайца нередко изображалась на значимых изделиях в искусстве иранских народов [Кузьмина 1977, с. 20–21]. В нартовском эпосе с нею связан лишь один, притом важный сюжет: охота героя Хамыца на краю света на волшебного белого зайца, облик которого приняла дочь водного царя²¹. От брака чудесным образом родился Батраз, чей образ сохранил, как принято думать, много черт скифо-сарматского бога-меча (бога войны).

На одном из поясов, с уже известными нам «крылатыми молящимися» в двух вариантах, на наконечнике ремня (рис. 5, 1 справа) изображена весьма необычная сцена: *орел уносит человека*. От последнего видны только свисающие ноги, остальное закрыто фигурой взлетающей птицы. Такой сюжет широко известен в фольклоре иранских народов (персов, белуджей, осетин) и издавна документирован [Рахно 2022, с. 114–122]. Он связан с мотивом неотвратимого рока, выражающемся в неизбежности гибели «исчезнувшего» сына, после того как его неожиданно обнаруживает отец. В нартовском эпосе это сюжет с Урызмагом, который был похищен орлом и попал затем в подводное царство²². На этом же поясе мы видим по орлу на бляшках с прорезью и крылатых «пегасов».

Самым загадочным для поясов разбираемой серии является сюжет с *человеком, сидящим верхом на быке* (рис. 5, 4). Бык, похоже, встает, а всадник спокойно сидит, держась за его рога. У мужчины – рубаха с короткими рукавами, узкие штаны, уже знакомые нам полусапожки на каблуке и гривна. В необычный комплект входят «крылатый молящийся» и бляхи с головой оленухи, наклонившейся к олененку (?). На другом поясе (рис. 5, 2) мы вновь и неоднократно встречаемся с образом быка. На узком наконечнике ремня он показан с изогнутым дугой телом (иначе фигура не поместилась бы), на самых мелких бляшках видим только бычьи головы. Что за персонаж перед нами? Около начала I в. н. э. в святилище сарматов-сираков у г. Курганинск на Кубани (открытая площадка около 60 кв. м, с каменным алтариком и с разнообразными приношениями, включающими и следы человеческих жертв, серию золотых аксессуаров костюма, бусы ожерелий, оружие и доспех, конскую упряжь, посуду и др.) был

²¹ Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах. (1) // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX / II. С. 1–9.

²² Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 50–52, 60–61, 69–70.

обнаружен единственный небольшой идол из железа и бронзы – фигурка всадника на быке [Берлизов и др. 1995, с. 125; рис. 4в, 97] (рис. 5, 5). В слое III в. н. э. в боспорском Пантикапее найдена грубая глиняная фигурка «местного культа» в виде всадника на быке, подносящего ко рту свирель²³. К сожалению, у поздних наследников сармато-аланов не сохранилось памяти о подобном божестве (и это лишний раз показывает, как мало мы еще знаем сегодня аланскую религию). Известно лишь, что с быками могли ассоциироваться разные виды конного войска²⁴, а пара быков, живущих в море, упоминается в связи с рождением Батраза²⁵. Судя по атрибуту этого божества в Пантикапее (свирель) и приношениям в святилищах от обоих полов, наиболее «подходящими» поздними персонажами среди владельцев волшебных свирелей (прим. 12) были Ацамаз либо его «двойник» Урагом, с их золотыми инструментами, «отвечавшие», видимо, когда-то за охрану и возрождение природы, а чисто мужской покровитель – Хозяин животных Афсати – не подходит.

Мы говорили о предполагаемом наборе аланских сюжетов и одном из эпизодов с Александром Великим (образ которого был переосмыслен в алано-осетинском фольклоре). *Размещение именно таких сюжетов на атрибутах мужчин-воинов* (прежде всего – поясах) *кажется отражающим мироощущение аланских мужчин*. Напомню их: одна из версий эпизода поимки Ахсартагом своей будущей жены Дзерассы (в виде птицы) – история происхождения героев-нартов; Хамыц и поимка его будущей жены (в виде зайца) – рождение Батраза (когда-то – бога войны); Уразмаг со «скрипкой» (лютней) и соблазнение жены Уарп-алдара – восхваление идеального воинского побратимства; один из сюжетов с Александром (с которым аланы связали, прежде всего, прекращение убийства заслуженных стариков – уважение к боевым заслугам юности, связываемое с Урызмагом); орел, уносящий Урызмага – история о непреодолимости судьбы, столь понятная многим воинам; крылатые зэды – покровители, среди прочего, групп людей.

Древние вещи молчат. Они не спешат рассказывать нам свои истории. Однако попытки «заговорить» с ними нужны, и одна из них была предпринята сейчас вместе с читателями. Мы приходим к выводу, что выбор сюжетов аланами отражал их мифологию и эпос. Большинство сюжетов IX–X вв. характерны именно для

²³ Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея (Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Свод археологических источников. Вып. Г1-11). М.: Наука, 1974. Рис. 12.

²⁴ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2. С. 82.

²⁵ Там же. С. 222.

этого этноса, а изделия с ними, видимо, производились в Предкавказье. Детали иконографии отражают, прежде всего, процессы, происходившие ранее – влияние развитых изобразительных традиций (и к тому же родственных, ираноязычных) доисламских персов и согдийцев, причем заметно влияние и раннеисламского искусства расположенного поблизости Ирана.

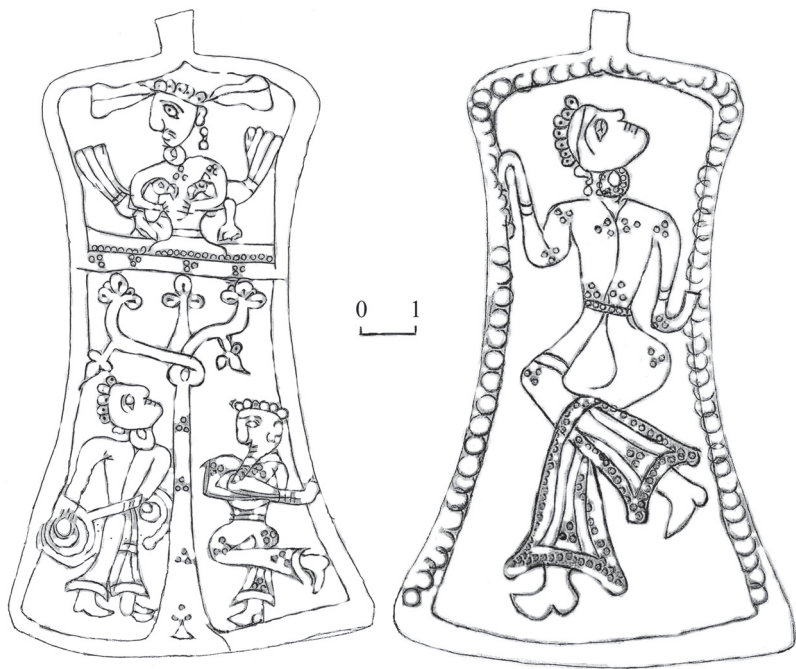

Рис. 1. Серебряная пластина с р. Чемульга
(рис. автора)

Рис. 2. Аналогии сюжету «Александр возносится на небо»
на серебряной пластине (1–2, 4, 6)
и сопровождающим персонажам (3–5) в Ингушетии и вне ее.
Материал: 1, 3, 5–6 – серебро с позолотой;
2 – текстиль; 4 – серебро

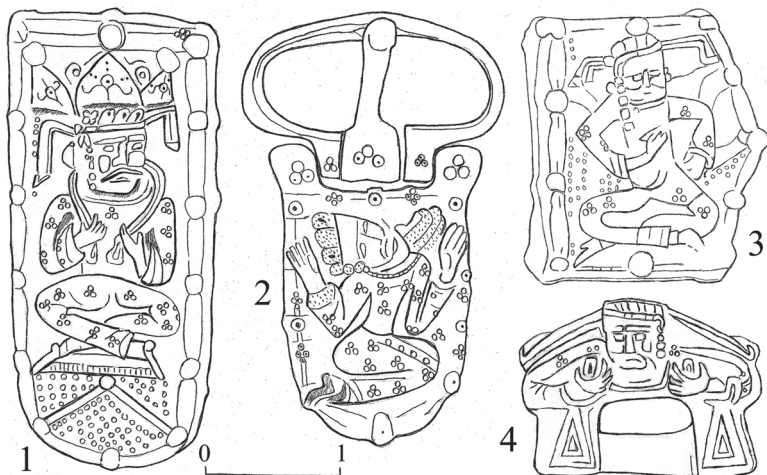

Рис. 3. Золотая гарнитура пояса с р. Чемульга
(рис. автора)

Рис. 4. Поясная гарнитура с сидящим крылатым «молящимся» (1–4, 6–9) и правителем на кресле (10–11) из Ингушетии. Материал: 1–4, 7–9, 11 – серебро; 6 – серебро с позолотой; 5, 10 – бронза

Рис. 5. Элементы поясных наборов из Ингушетии и аналогии сюжетам (5–6)

Источники

- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Университетская тип., 1893. 356 с.
- Нартские сказания. Осетинский народный эпос / Пер. В. Дынник. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. 436 с.
- Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2 / Ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1989. 171 с.
- Осетинские народные сказания. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. 504 с.
- Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер. и коммент. Н. Горелова. СПб.: Азбука-Классика, 2006. 256 с.
- Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея (Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Свод археологических источников. Вып. Г1-11). М.: Наука, 1974. 48 с.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. 18 с., илл.
- Шанаев Г.* Из осетинских сказаний о нартах. (1): Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX / П. С. 1–9.

Литература

- Абдухоликов и др. 2021 – *Абдухоликов Ф.Ф., Ртвеладзе Э.В., Бердимуродов А., Богомолов Г., Гюль Э., Ильясов Дж., Компарети М., Кулакова Л., Лурье П., Маршак Б., Торгоев А., Цветкова Т., Яценко С., Вужун С. Юхань Я.* Согдиана – сердце Шелкового пути. Ташкент: Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 с. (на узбек., англ., русск. яз.).
- Арсланова 2013 – *Арсланова Ф.* Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 405 с.
- Берлизов и др. 1995 – *Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н.* Сарматские памятники Восточного Закубанья // Историко-археологический альманах. 1995. Вып. 1. С. 120–131.
- Бокий, Плетнева 1988 – *Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Захоронение семьи воина-кочевника в бассейне Ингула // Советская археология. 1988. № 2. С. 99–115.
- Виноградов, Мамаев 1984 – *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1984. С. 62–86.
- Йеттмар 1986 – *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Комар 2016 – *Комар А.В.* Поясные наборы IX–X веков с «мифологическими» сюжетами // Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honor of Csánad Bálint on the Occasion of His 70th Birthday /

- Ed. by Á. Bollók, G. Sciky and T. Vida). Budapest: Institute of Archaeology, 2016. P. 545–556.
- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е.Е.* Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности / Ред. М.А. Коростовцев. М.: Наука, 1977. С. 16–25.
- Маршак 1971 – *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971. 157 с.
- Мешкерис 1989 – *Мешкерис В.А.* Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. 324 с.
- Плаева 2016 – *Плаева З.К.* Музыкальные инструменты в нартовском эпосе осетин: свирель Ацамаза // Традиционная культура. 2016. № 4. С. 67–78.
- Рахно 2019 – *Рахно К.Ю.* Александр Македонский в осетинской фольклорной традиции // Saucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета. 2019. Вып. IV. С. 89–100.
- Рахно 2021 – *Рахно К.Ю.* Уарп-Ахсина: древнеиранские истоки одного женского образа в Нартовском эпосе // Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. 2021. Вып. 26. С. 76–92.
- Рахно 2022 – *Рахно К.Ю.* Потомки Рустама: татско-осетинские параллели // NARTAMONGÆ. 2022. № 1-2. С. 98–183.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
- Халикова 1976 – *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. № 2. С. 158–178.
- Яценко 2006 – *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.
- Яценко 2009 – *Яценко С.А.* Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII в. (образы «Иных») // Transoxiana. Número 14 (Agosto 2009). URL: http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html (дата обращения 6 декабря 2023).
- Яценко 2022a – *Яценко С.А.* Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 143–186.
- Яценко 2022b – *Яценко С.А.* О фольклорных образах в культуре ранних кочевников, близких алаано-осетинской традиции // NARTAMONGÆ. 2022. № 1-2. С. 343–364.
- Wilkinson 1973 – *Wilkinson C.K.* Nishapur: Pottery of the early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. 418 p.
- Yatsenko 2012 – *Yatsenko S.A.* Sogdian Costume in Chinese and Sogdian Art of the 6th–8th cc. // Serica – Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations / Ed. G. Malinowski, A. Paroń, B.Sz. Szmoniewski. Instytut archeologii i etnologii PAN, Wrocław: 2012. P. 101–114.
- Yatsenko 2019 – *Yatsenko S.A.* Some notes on Sogdian Costume in Early Tang China // The Silk Road. 2019. Vol. 17. P. 65–73.

References

- Abdulkholikov, F.F., Rtveladze, E.V., Berdimurodov, A., Bogomolov, G., Gul, E., Ilyasov, J., Compareti, M., Kulakova, L., Lurye, P., Marshak, B., Torgoev, A., Tsvetkova, T., Yatsenko, S., Wujun, S. and Yuhan, Ya. (2021), *Sogdia: The Heart of the Silk Road*, Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, Tashkent, Uzbekistan.
- Arslanova, F. (2013), *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya* [Essays on the Medieval Archaeology of the Upper Irtysh], Institut Arkheologii, Astana, Kazakhstan.
- Berlizov, N.E., Kaminskaya, I.V. and Kaminsky, V.N. (1995), "Sarmatian Monuments in the East of Trans-Kuban Region", *Istoriko-arkheologicheskii almanakh*, iss. 1, pp. 120–131.
- Bokii, N.M. and Pletneva, S.A. (1988), "The Grave of the Nomad Warrior' Family in Ingul Basin", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 99–115.
- Jettmar, K. (1986), *Religii Gingukusha* [Religions of Hindukush], Nauka, Moscow, Russia.
- Khalikova, E.A. (1976), "Bolshie Tigany Cemetery", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 158–178.
- Komar, A.V. (2016), "Belt Sets of the 9th–10th cc. with the 'Mythological' Plots", Bollók, Á., Sciky, G. and Vida, T. (eds.), *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honor of Csánád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday*, Institute of Archaeology, Budapest, Hungary, pp. 545–556.
- Kuzmina, E.E. (1977), "Image Semantics of the Silver Disc and Some Interpretation Issues of Oxus Treasure", Korostovtsev, M.A. (ed.), *Iskusstvo Vostoka i antichnosti*, Nauka, Moscow, USSR, pp. 16–25.
- Marshak, B.I. (1971), *Sogdiiskoe serebro* [Sogdian Silver], Nauka, Moscow, USSR.
- Meshkeris, V.A. (1989), *Sogdiiskaya terracotta* [Sogdian Terracotta], Donish, Dushanbe, Tajikistan.
- Plaeva, Z.K. (2016), "Musical Instruments in the Nart Epic. The Pipe of Atsamaz", *Traditional culture*, no. 4, pp. 67–78.
- Rakhno, K.Yu. (2019), "Alexander of Macedonia in Ossetian Folklore Tradition", *Caucaso-Caspica*, Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University, vol. IV, pp. 89–100.
- Rakhno, K.Yu. (2021), "Uarp-Akhsina. The Ancient Origins of One Female Image in the Nart Epic", *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy*, iss. 26, pp. 76–92.
- Rakhno, K.Yu. (2022), "The descendants of Rustam. The Parallels of Ossetians – Tats", *NARTAMONGÆ*, no. 1-2, pp. 98–183.
- Rybakov, B.A. (1987), *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of the Ancient Rus'], Nauka, Moscow, USSR.
- Vinogradov, V.B. and Mamaev, Kh.M. (1984), "Alanian Cemetery near Martan-Chu Village in Chechnya", Kuznetsov, V.A. (ed.), *Voprosy arkheologii i etnografii*

- Severnoi Osetii* [Issues of Archaeology and Ethnography of the Northern Ossetia], Severo-Osetinskii NII, Orzhonikidze, USSR, pp. 62–86.
- Wilkinson, C.K. (1973), *Nishapur: Pottery of the early Islamic Period*, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA.
- Yatsenko, S.A. (2006), *Kostyum drevnei Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples)], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Yatsenko, S.A. (2009), “The Early Turks. The Male Costume in the Chinese Art of the 2nd half of 6th – the first half of 8th cc. (Images of Others)”, *Transoxiana*, no. 14, available at: http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html (Accessed 6 December 2023).
- Yatsenko, S.A. (2012), “Sogdian Costume in Chinese and Sogdian Art of the 6th–8th cc.”, Malinowski, G., Paroń, A. and Szmoniewski, B.Sz. (eds.), *Serica – Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations*, Institut archeologii i ethnologii PAN, Wrocław, Poland, pp. 101–114.
- Yatsenko, S.A. (2019), “Some notes on Sogdian Costume in Early Tang China”, *The Silk Road*, vol. 17, pp. 65–73.
- Yatsenko, S.A. (2022a), “Gods of Sarmatians”, *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*, no. S1, pp. 143–186.
- Yatsenko, S.A. (2022b), “On the Folklore Characters in the Culture of Early Nomads, Close to Alanian-Ossetian Tradition”, *NARTAMONGAĖ*, no. 1-2, pp. 343–364.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru